

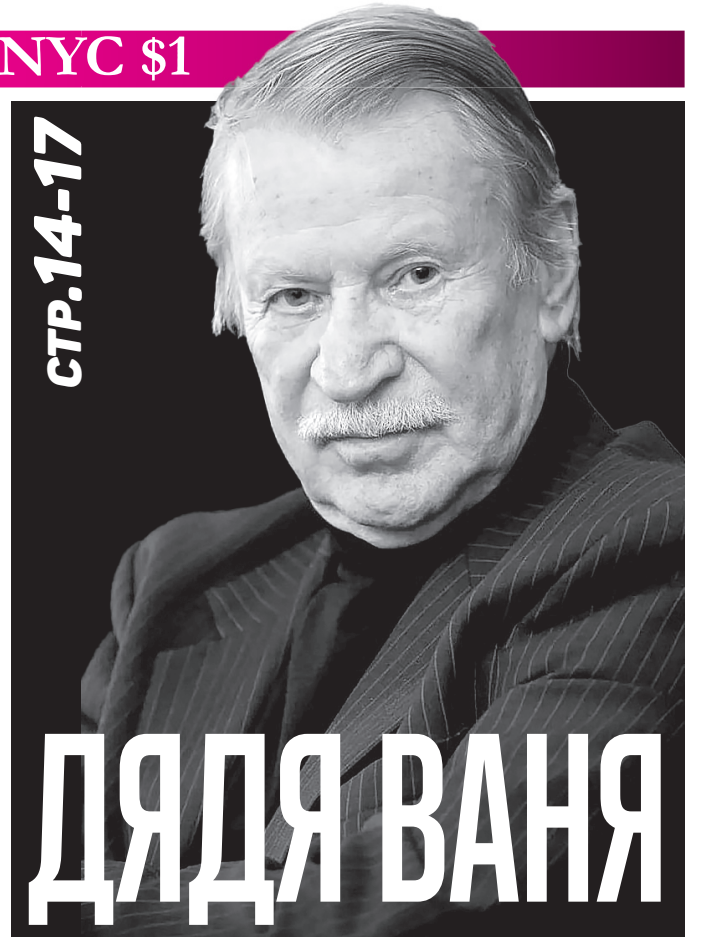
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.4-6

МАРЧЕЛЛО

СТР.14-17

ДЯДЯ ВАНЯ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№39 (224)
СЕНТЯБРЬ 2024

**БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ**

В фильме «Никаких проблем!»

**МАЛЕНЬКАЯ ЗВЕЗДА
ФРАНЦУЗСКОЙ
КОМЕДИИ**

СТР.7

СТР.11

УИНТОСИЦЕ

СТР.8-10

**МИР И ЛЮБОВЬ
МАРКА ЗАХАРОВА**

В молодости

ДЯДЯ ВАНЯ

«Сенсации» вокруг личной жизни Ивана Ивановича Краско (одного из старейших питерских актеров) последние годы мешают поговорить о нем самом. Даже когда он отмечал 85-ти, а затем 90-летие, главный информационный повод был сначала его женитьба на 24-летней студентке Наталье Шевель, затем - развод и «кому достанется его наследство». А ведь творческий путь «дяди Вани», пожалуй, покруче любых любовных хитросплетений.

В пять лет - круглый сирота, затем - восемь лет на флоте - командир десантного корабля - и вдруг такой разворот: народный артист, 62 года на сцене и более 100 ролей в кино.

Геннадий Норд

- Ты родился в деревне Вартемяки под Питером в многодетной семье. Но почти ничего не рассказываешь о своих родителях.

- Они умерли очень рано. Когда мамы не стало, мне было всего десять с половиной месяцев. А через четыре года папа последовал за ней, потому что он и до этого баловался этой бедой всероссийской - водочкой, а там и совсем с горя запил. Нас осталось четверо сиротиночек - я самый младший и дальше по возрасту Василий, Николай и самый старший Володя. Воспитывала нас мать отца - баба Поля Бахвалова. И мы все носили фамилию - Бахвалов. Почти все наши предки были дорожные мастера. И мой дед по маме, Краско Иван Иванович, и брат Николай дороги строили. Володя - закончил дорожный техникум в Новгороде.

- Получается, один ты - «предатель»?

- Получается, так. Представляешь, Володя закончил техникум 20 июня 1941 года, а через два дня - война. Не успел даже домой приехать, как его призвали, отправили в Томское артиллерийское училище, а потом лейтенантом в Сталинград, где он тут же и погиб. Вот такая история!

- Война тебе чем запомнилась?

- В трех километрах от Вартемяк в Касимово был аэродром. Там наши замаскированные самолеты стояли, немцы его не нашли. Но помню вдруг однажды страшный гул, на высоте трехсот метров - это же очень низко - летит целая армада. Кто-то потом говорил, что «мессеров» было чуть ли не триста штук. Баба Поля кричит:

- Ванюшка, не выбегай на улицу! Убьют!

Я выскочил из избы, и до сих пор помню как у меня два чувства соединились: ужас, страх такой, что я готов был как червяк в землю врыться. Упал навзничь, а шея-то поворачивается посмотреть на эти «кресты», на эти летящие страшные черные машины.

Что интересно, когда наш педагог в театральном услышал мой рассказ об этом немецком налете, воскликнул:

- Ваня! На сцене два самых главных чувства - страх и любопытство. У тебя настоящая актерская душа!

- Откуда у деревенского мальчишки из семьи дорожных мастеров вдруг появилась тяга к сцене, причем - неудержимая?

- Одна из главных «веских» причин - это наш клуб вартемяжский, где в ту пору расцвета советского кинематографа шли

фильмы. «Чапаев», «Щорс», «Пархоменко», «Джюльбарс», «Граница на замке». Я их смотрел раз по двадцать, а потом пересказывал пацанам, которые были моложе меня на два-три года.

Помню, около станции стоял бесхозный прицеп, и мы ватагой залезали под него, чтобы никакой дождь не мешал, и я не просто пересказывал, а показывал всех героев в лицах. И я понимал уже тогда... Как шутил я потом в институте, что роль Чапаева я, может быть, и не одолел бы, а Петьку-то уж точно сыграл.

То есть, каким-то смутным сознанием, но понимал: наверное, буду артистом. Но говорить об этом вслух было бы позором - засмеяли бы! Сказали бы:

- Ну, вот нашелся - а-р-р-тист!

Поэтому я и молчал.

- Как получилось, что ты стал носить фамилию Краско?

- Война кончилась, баба Поля умерла. Причем, она мне заранее сказала, что дотянет меня до конца войны, а там и умрет. В этот момент вернулся с фронта Иван Иванович Краско, брат моей мамы, и меня усыновил.

1946 год. Я только что семилетку окончил. Он спросил, как я учусь, я ответил:

- Отлично!

- Значит, тебе нужно дальше учиться. В авиацию хочешь? Будешь летчиком. Посадят тебя в центрифугу и будут крутить - проверять вестибулярный аппарат.

Говорю:

- Мой вестибулярный аппарат качели не выдерживает.

У нас в деревне круговые качели были, и однажды меня так закружило, что я с них слетел и чуть не угробился. Он не растерялся:

- Значит, давай на флот!

А я тогда уже зачитывался Станюковичем.

- Флот, так флот!

Я поступил в морское училище, потом «автоматом» с отличием закончил высшее Первое Балтийское военно-морское, и был направлен на Дунайскую флотилию. Лейтенант, командир десантного корабля. Но только одну навигацию проплавал и все.

- Почему?

- Мне повезло просто - Хрущев стал сокращать флот. И я убежал с радостью. Хотя многие мои однокашники по училищу дослужились до командиров атомных подводных лодок и даже адмиралов. Не смог я служить на флоте - к другому лежала душа.

- А откуда ты знал, что у тебя получится? Ты ведь даже в художественной самодеятельности не участвовал.

- Знал! Еще во время службы разок себя проверил. В 1952-ом пошел записываться в кружок художественного слова, а мне руководитель говорит:

- Мичман, вам полгода до выпуска, вы без пяти минут офицер. Зачем вам тратить время?

Я говорю:

- Хочу, и все.

- Запретить вам я не могу. Подготовьте басню или стихотворение.

А я-то знал, что хорошо читаю. Прихожу. Сидят в комиссии двадцать «салажат», смотрят на меня как «мэтры» - они-то уже полгода занимаются. Я пык-мык, весь зажался. Руководитель улыбнулся:

- Я же говорил, что не надо тратить время.

Стою «убитый»:

- Как же так? Дома все здорово получалось.

Эти пацаны:

- Ха-ха-ха! Дома все - гении!

И тут этот худрук сделал мудрый шаг: всех выгнал, закрыл дверь на ключ, отвернулся от меня и сказал:

- А ну, читай! Ты моряк или нет? Читай!

Чувствую, для меня наступил момент - быть или не быть. Если сейчас не докажу ему, что могу, все - мне конец. И когда я прочитал «Мартышку и очки», он выдержал паузу, потом подошел, навис надо мной. Я смотрю, а у него слезы в глазах.

- Сынок, я не знаю, что ты будешь делать на флоте. Тебе же без театра не жить!

- Потрясающе!

- А? Каково? Я зарыдал, не сдержался. А мне тогда было уже 22 года. Вот в тот момент родился, может быть, артист Ваня Краско!

Но не все так просто было. Уволившись с флота, я поступил на филфак, где отучился три года. Там же познакомился с Кирой Васильевной - с будущей Андриюшиной мамой. Причем, это была моя вторая семья.

- Как?

- Произошла такая история. Когда я окончательно решил поступать в театральный, моя первая жена Катя под влиянием своей мамы поставила мне ультиматум: или семья или театр. Я спросил:

- Это твердо?

- Да.

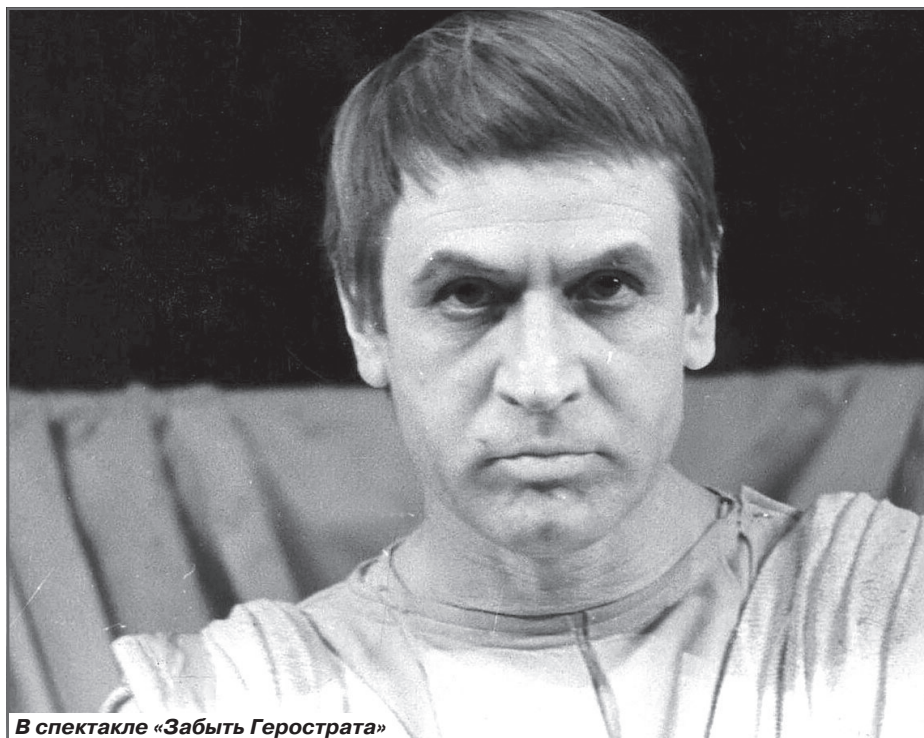
Такая постановка вопроса была для меня открытием. Мы любили друг друга, родилась Галочка. Но, как можно было

В спектакле «Влюбленный лев»

В спектакле «Принц и нищий»

В спектакле «Забить Герострата»

В спектакле «Аморальная история»

В спектакле «Вот так карнавал»

настолько не понимать, что для меня один свет в окошке - театр.

- Тогда собери мой чемодан!

И я спокойно ушел, взяв с собой лишь некоторые книги.

- Добрые отношения удалось сохранить?

- Вскоре она вышла замуж, но все эти годы у нас были нормальные отношения. Не так давно Катя, к сожалению, умерла. Придя на кладбище, я с большим удивлением увидел, что она не поменяла фамилию. Так и осталась - Краско Екатерина Ивановна.

- Расскажи ставшую легендой историю, как тебя попросили подыграть однокурсникам, а в результате в ленинградский Большой драматический театр взяли именно тебя.

- Совершенно точно! Я должен был подыграть Жоре Штилю и Саше Семенову. Штиль играл Трубача, а я - Егора Булычева, главную роль. Затем Саша Семенов - Гришку Незнамова, а я - Шмагу. Роль - пулевая! Как в таких случаях говорят, «кто кому подыгрывал». Но ведь там еще и нюансы многое решали. В худсовете театра сидел Сергей Юрский, а мы с ним и Игорем Горбачевым вместе играли в университетском театре «Драма». Меня же «Драма» воспитала фактически - за те три года, что я на филфаке учился, я там переиграл все.

Так вот Сережа Юрский торопился на телевидение и передал Товстоногову записку: «Обратите внимание на Краско». Дядя Женя Лебедев поддержал:

- Гога, этого носатого возьми. Опсовет, мне замена будет.

А Слава Стрельчик, с которым мы познакомилась еще на съемках «Балтийского неба», воскликнул:

- Этого я знаю. Георгий Александрович, вот такой парень!

Это мне уж потом рассказали. Прибежал Леша Герман, который был тогда очередным режиссером в БДТ:

- А кто здесь Краско? Тебя наверх Гога требует!

Вхожу, а Товстоногов гипнотически на меня воздействовал через свои очки-хамелеоны. Глаз не видать, но я сразу почувствовал такой мощный поток энергии, плюс известный грузинский акцент:

- Иван, а ви разви нэ заинтэрэсовани в нашэм театрэ?

- Почему, Георгий Александрович? Заинтересован. У меня девиз - «БДТ или в Сибирь».

Пауза, все в недоумении.

- Что значит в Сибирь? По этапу?

Все захохотали, а я даже не видел со страху, что там весь худсовет.

Окончание на с. 16

Окончание. Начало на с. 15

- То ест ви не возражаэтэ, если би вам давэлос служит у нас в театре?

- Нет, ни в коем случае!

Все хохочут.

- Ну тогда ждитэ!

В результате Володя Максимов, Алина Немченко, Жора Штиль и я в 1961 году были приняты в труппу БДТ.

- Сразу попал в лучший театр, в легендарную труппу. Голова кругом не пошла?

- Нет. Некогда было. Началась работа. Но вот роли-то там у меня все были небольшие.

- Как Зинаида Шарко сочно выразилась: «В БДТ «золотая дюжина» актеров держит весь репертуар в своих зубах, пока жива».

- Правильно - так и было! Лебедев, Копелян, Стржельчик, Полицеймако. Там действительно было сложно пробиться. Играл я очень много, но практически - одну массовку, эпизодические роли. Это меня угнетало. Четыре года проработал и ушел в театр имени Комиссаржевской, где прослужил ровно 50 лет.

- Из тех, с кем тебе приходилось выходить на сцену, близко общаться, кого считаешь самым-самым великим?

- Все! Но для меня наиболее близким был Паша Луспекаев. Он - мой главный учитель по актерским делам. Фигура была мощная, самобытнейшая, такая - ух! Действительно гений от земли, от природы. Помню, он Нагульнова играл в «Поднятой целине» на сцене БДТ. О! Зал вставал, когда он «Интернационал» запевал. Нас, его партнеров, оторопь брала.

Еще - Сережа Юрский, которого я до сих пор боготворю. Дядя Женя Лебедев, Копелян, Стржельчик - артисты великолепные, цари сцены! Еще Таня Доронина. При Гоге это была такая звезда! Вот это была Актриса. В «Старшей сестре» я в нее влюбился как в партнершу. А в «Варварах»? А какой она была Настасьей Филипповной в «Идиоте»? Особенно в сцене: «Бери, Ганька, деньги-то!» У-у-хх! Силища невероятная!

- Твой сын Андрей рассказывал, что в пять лет «лично был знаком» с Ефимом Захаровичем Копеляном, когда ты его привел в театр на свой спектакль.

- Было! Мне говорят: у тебя же маленький сын. Давай его сюда. Андрюша как увидел Копеляна, особенно его усы, и все - не оттащить. В слезы! Ефим говорит:

- Дайте парню пистолет. Иван потом принесет!

Но на сцене-то он оказался еще раньше - года в два. Я играл тогда в университетском театре. И Кира Васильевна взяла его на спектакль «Центр нападения умрет на заре» по пьесе Августина Куссани. Андрюша выбежал на сцену, на него, конечно, все зашушукали. А он, вместо того чтобы испугаться, повернулся к зрителям, громко крикнул:

- Здесь играет мой папа!

И поклонился - ко всеобщему восторгу зала.

Между прочим, недавно уже мой младший сын Федор выходил со мной на сцену, у него явная склонность к лицедейству. А Ванька вовсю танцами занимается - хочет быть танцором.

- В середине 1970-х у тебя был очень успешный фильм «Конец императора тайги», где ты сыграл атамана Соловьева. Почему после этого кино тебя не «закрутило»?

- Все же Его Величество Случай решает. Скажем, Славе Тихонову повезло с режиссером Ростоцким. Так бывает. Но я не жалуясь. К тому же я больше театральный актер, конечно. Тем более, еще с разбором артист. Как прихожу, первым делом спрашиваю:

- Кто автор сценария? Кто режиссер? А ну давай побеседуем.

И чаще всего мои предложения по роли принимаются. А как же? Мне же играть. Как Фаина Георгиевна говорила:

- Съемка в кино - плевок в вечность! Гонорар я проем, а позор останется!

А еще мне, как сравнительно недавно выяснилось, - нельзя играть убийц, душегубов.

- Почему?

- Как-то Володя Бортко предложил мне в «Бандитском Петербурге» роль Черепи,

В спектакле «Эрос»**В спектакле «Утоли мои печали»****В фильме «Сержант милиции», 1974 год****В фильме «Конец императора тайги», 1978 год**

он по сценарию правая рука Антибиотика. Я прочитал сценарий и подумал: «А ведь его можно серьезно сделать!» У меня есть немецкая зажигалочка «Золинген» - подарок знакомого актера. С одной стороны можно прикуривать, а с другой стороны - ножичек. Острейший! Я однажды последним поездом приехал, вышел из метро и вижу: два парня стоят. Их взгляд мне сразу не понравился.

- Отец закурить не найдется?

Я дал им по сигарете.

- Может и прикурить?

Четко вижу их намерения - меня «поциплять». Достая эту зажигалочку, даю прикурить, и после этого показываю нож:

- Дальше будем говорить?

Парни тут же:

- Э-э-э... батя-я-я!

И как дунули от меня.

Я эту историю рассказал Бортко. В лицах! Володя говорит:

- Да ты и меня-то напугал, Иван Иванович! Все аж захолодело!

Говорю:

- Это - Череп! Обиженный, безжалостный гэбист, который мочит людей, не моргнув глазом.

Бортко говорит:

- Все. Утвержден.

И тут у меня инфаркт. 1999 год. Он мне звонит сразу после реанимации:

- Голубчик, что же нам делать?

- Бери другого, Володь. Я - надолго.

С сыном Андреем

Потом только я поправился, мне предлагают сыграть депутата-мафиози с «мокрым» прошлым в фильме «Коррупция». Я еще не приступил к съемкам - сердечный приступ. Опять в больницу! «А-а-а, - дошло до меня, - Вот в чем дело! Спасибо за намек. Не нужны мне такие роли». Слишком много уходит - Туда.

- Ты веришь в подобные знаки свыше?

- Верю. Это точно был знак. «Ваня, на кой хрен тебе играть этих сволочей? Играть добрых людей, каким ты и есть в жизни. Ты их лучше выразишь».

- Можешь назвать тройку своих любимых киноролей?

- Это совершенно точно бандитский атаман Соловьев - в «Императоре тайги». Майкл Гендон - в картине «Принц и нищий». Был еще такой фильм на студии Горького «О чем не узнают трибуны» по сценарию Юрия Трифонова. Там в роли футбольного тренера режиссер хотел снимать Петю Вельяминова, а меня пригласил попробовать для галочки. После пробы я сказал:

- То, что вы просили, я сделал. Теперь дайте я сыграю так, как это вижу.

Режиссер удивился:

- Да ради Бога!

Он же понимал, что все равно не будет меня снимать. Но Юрий Трифонов, увидев именно эту мою пробу, воскликнул:

- Вот! Про этого человека я написал. В результате я сыграл в этой ленте, и именно из-за этих нюансов она мне дорога.

- Что талантливому актеру нельзя простить?

- Нельзя достоинство свое терять и соглашаться на похабную рекламу. Я однажды послал одного режиссера. Благим матом закричал на всю улицу.

С дочерью Галиной

С сыновьями Иваном и Федором

Вдруг вижу: вокруг стоят люди, раскрыв рты, и смотрят, как идет артист Краско и матерится по телефону. Дело в том, что этот безымянный режиссер предложил мне рекламировать долголетие потенции. Конечно, я не сдержался. Вот такое мое отношение! Нельзя продавать свою душу за эти тухлые рубли и доллары.

- Тебе приходилось совершать актерские подвиги?

- Во время спектакля «Эрос» с двухметровой высоты обрушилась площадка, на которой мы с Лизой Ниловой стояли и обнимались. Мы так и рухнули в обнимку! Слава богу, я головой не треснулся о планшет сцены. Жуть! Лежу, надо мной стоят все занятые в спектакле актеры, монтировщики. Закрыли занавес, и в зале поняли, что - ЧП. Помреж ко мне подбегает:

- Иван Иванович! Спектакль отменяем? Надо объявить зрителям.

Я взял микрофон:

- Дорогие друзья! Вышла техническая накладка, ради Бога, извините! Через семь минут спектакль будет продолжен.

Зал зааплодировал. А утром в клинике МЧС обнаружили: ребро сломано, внутренние гематомы. Все говорят, что я совершил подвиг. А мне кажется, это - в порядке вещей, как говорил один из моих персонажей - Сократ.

- И много в твоей жизни было вот таких «в порядке вещей»?

- Когда во время съемок «Императора тайги» у меня вырезали аппендикс, я приехал через неделю-полторы, несмотря на то, что шов еще не зажил. А мне там в кадре надо было прыгать через забор. Говорю:

- Давайте снимать.

Режиссер:

- Ты что, Иван!

- Ставьте камуфляж! Делаем один дубль.

И я перемахнул через довольно большой забор, что тоже, я считаю, в порядке вещей. А почему я должен останавливать процесс, не имею я права на это!

- Олег Борисов написал в своем дневнике: «два самых страшных и непреодолимых препятствия в человеческой жизни - слава и деньги». Согласен?

- Абсолютно. К славе я отношусь совершенно спокойно. Звездной болезни у меня никогда не было и не будет. А деньги все с собой туда не возьмешь. Это все - шелуха, пена.

- Считается чуть ли не аксиомой, что актерство - это разврат, богема, пьянство, и тому немало ярчайших примеров. Как получилось, что тебя миновала чаша сия?

- Чаша сия, я считаю, может быть, если все в меру. Это грех неизбежный. Но я не чувствую за собой греха, а виной тому Паша Луспекаев, который сказал:

- Как мужик себя не сдерживай! Иначе в тебе артист кончится.

Я глубоко над этим задумался. Он вообще своим примером на меня существенно повлиял.

- Тем не менее, тебя не коснулась

С Натальей Шевель

известная «русская болезнь».

- А в этом мне сама жизнь помогла. Во-первых, батя мой от любви, не от любви, но все равно от водки помер. Коля, брат, который на войне был разведчиком и там к спиртному так пристрастился, что потом уже не смог остановиться. Тоже рано ушел! И у меня, видимо, на этой почве неприятие возникло.

- Тот луспекаевский совет, мол, нельзя себя сдерживать как мужика, повлиял на твою бурную личную жизнь? Четыре только официальные жены.

- Конечно, повлиял. Но у меня все не сразу, не вдруг, а только по любви. Вот как с Натальей Николаевной Вяль получилось, мамой Вани и Феде. Обязательно - эпистолярный жанр, провожания. Нет, это для меня не «стакан воды». Нет! Это в первые годы Советской власти была в ходу такая теория: «С женщиной переспать - все равно, что выпить стакан воды!» Встретились, полюбили, разбежались! Коммунизм - все для всех. Никогда этого не понимал и всегда говорил: «Я - не собачка, не кошка. Я - человек, гомо сапиенс - для чего-то у меня голова на плечах и мозги мне не зря дали. И воля еще есть».

- То есть, у тебя каждый роман - это все серьезно и навсегда?

- Ну да! А жизнь вносит потом свои коррективы. Вот сейчас я влюблен в свою Наташу Шевель и ничего не могу с этим сделать. Главное же душевное совпадение. Сейчас мы изучаем друг друга и привыкаем.

- Значит, твой опыт доказывает, что Пушкин прав: любви все возрасты покорны?

- Именно так. Сократ и Пушкин - мои вечные кумиры.

- Сколько у тебя детей?

- Семеро. Галочка - самая старшая дочь, на два года старше Андрюши, ро-

дилась в первом браке. Потом появились Андрюшка и Юля. Кира Васильевна в 1997 умерла, а мы ведь с ней сорок с лишним лет прожили.

- А писали, что ты оставил эту семью, когда дети были совсем маленькими.

- Написали: папа ушел из семьи, поэтому Андрюшу воспитывали бабушка и мама. Это такой бред, что я даже не обиделся. Мы все сорок лет жили вместе. Правда, в этот момент на стороне у меня родилась Мариночка, она в Америке сейчас живет.

Помню, Кира Васильевна меня спросила перед смертью:

- Мне любопытно, почему ты нагулял девочку, а от меня не ушел?

- Все равно ты лучше всех, мать!

Она зарыдала. Понимаешь, жизнь есть жизнь. Галя мне двух внуков родила, даже двое правнуков уже есть.

- Семеро детей. Хочешь, не хочешь, а приходится деньги зарабатывать - сниматься, не щадя себя.

- Старшие от меня ничего не требуют. Они, молодцы, уже сами на ногах! Ваня с Федей, другое дело. Я просто обязан их вырастить и поставить на ноги. Если доведется - на свадьбе их погулять.

- Они в твою породу пошли?

- Андрюшка, когда увидел Ваню маленького, просто сел на землю и стал хохотать. Спрашиваю:

- А что такого смешного в человечке этом?

- Да наш - Краско!

Подтрунивали же, что, мол, чьи они неизвестно. А когда они оказались «красками», сразу все разговоры прекратились.

- Вот уже пятнадцать лет, как Андрей ушел. Время лечит?

- Ты же знаешь, у тебя тоже сын ушел. Тоска остается. Хотя я считаю его живым, и с ним часто до сих пор разговариваю - у нас дома везде его портреты стоят. Говорю:

- Вот видишь, сынок, все продолжается. Зря ты ушел.

- С его женой и детьми общаешься?

- Конечно! С Мириам, мамой старшего Яна, они в Варшаве живут, перезваниваемся. Ян каждое лето приезжает ко мне на дачу. С Маргаритой Звонаревой, которая мама Кириуши, мы вообще сейчас в одной квартире живем. Все нормально! И Каролина очень славная женщина.

- У тебя, помимо театра, есть серьезные увлечения?

- Главная отдушина у меня от нервов - с деревяшками люблю возиться. Несмотря на подслеповатость, люблю постоять у верстачка. На даче очень много сделано моими руками - полки всякие, скамейки. Мой сосед Миша Боярский как-то пришел, закурил и всплакнул:

- Теперь я вижу разницу между нами.

- Какая, Мишаня?

- Ты вяешь шедевры, а я все «капусту» рублю!

- Откуда в тебе такое жизнелюбие, чувство юмора, силы, здоровье?

- Думаю, что все это благодаря любопытству к жизни, которое меня не покидает. Плюс заплата трудовая, которую мне дала баба Поля, а потом - флот. Все-таки восемь лет отдать флотской службе, режиму - это не зря. Ну и потом - не злоупотреблять всякими якобы вкусностями. Опять же по Сократу, который сказал:

- Я ем, чтобы жить, а многие живут, чтобы есть!

- Ты знаменитую чеховскую норму о том, что мужчина должен успеть за отпущенное ему время, перевыполнил многократно. Что не успел и еще нужно сделать обязательно?

- Ой, Господи, боже мой! Да если бы не проблема с глазами, я бы сейчас сидел и писал. Есть у меня мечта самому написать пьесу или сценарий, и сыграть Волтера. Очень выигрышная роль: в кресле вольтеровском сидишь и изрекаешь мудрые, очень острые вещи.

Еще очень хочу прочитать со сцены монологи Бориса Годунова пушкинского. Это страшная вещь! Я ведь считаю, что Паша Луспекаев мне это завещал, потому что сказал об этой роли:

- В ней выжить нельзя, в ней только подохнуть можно!

- Согласись, «подохнуть» - не самый лучший вариант.

- Нет-нет, я никуда не спешу.